

Глава XIII. "Странники" (LOS ERRANTES) в Буэнос- Айресе, 1925 год

В предыдущей главе мы упомянули Северино ди Джованни и сочли нужным более подробно описать его личность и роль в организации. Ди Джованни родился 17 марта 1901 года в Италии, регион Абруццо, в 180 километрах к востоку от Рима. Сын обеспеченных родителей, Северино восстал против власти отца. Учился на школьного учителя, а в свободное время — типографскому делу. С юных лет читая Бакунина, Малатесту, Прудона и Кропоткина, проникся идеями анархизма. В девятнадцать лет остался сиротой и в 1921 году, когда ему исполнилось двадцать, полностью посвятил себя анархистскому движению. В 1922 году Муссолини возглавляет «поход на Рим», и после этого, к власти в Италии приходит фашизм. Северино, как и его два брата, и многие другие рабочие активисты, бежит из страны. Одни остаются во Франции, а другие эмигрируют в Аргентину. Так делает и Северино — в мае 1923 года он прибывает в БуэносАйрес, сразу же находит место типографского рабочего и вступает в ряды профсоюзной рабочей организации — ФОРА V съезда. Когда ди Джованни прибывает в Аргентину, у власти находится Радикальная партия, или Гражданский радикальный союз. Её ряды в основном состоят из новообразовавшегося среднего класса, который каким-то образом противостоит влиянию старой олигархии землевладельцев, скотоводов и торговцев. Этот класс для достижения своих целей требует большей демократии и либерализма. Первый президент Аргентины от этой партии, её главный лидер Иполито Иригойен правил с 1916 по 1922 год и был переизбран в 1928-м, но в 1930-м в результате военного переворота был свергнут. Во время первого срока правления Иригойена и несмотря на его демократический популизм, имели место два масштабных репрессивных наступления против рабочих: первое — в январе 1919 года, во время так называемой «Трагической недели» в Буэнос-Айресе; второе — в 1920 и 1921 годах, против сельских батраков Патагонии (на юге страны). С 1922 по 1928 год страной управлял ещё один руководитель радикалов — доктор Марсело Теодоро де Альвеар, тесно связанный с предыдущим правительством, бывший посол Аргентины в Париже. Его жена — итальянка Регина Пачини, «аристократка из высшего общества» — не скрывала своих симпатий к авторитаризму Муссолини. Наверняка она настраивала своего супруга на борьбу с антифашизмом, против выходцев из Италии и экспатриантов. Ди Джованни, как итальянский революционер, сразу же стал членом организаций и антифашистских комитетов, созданных на аргентинской земле, а как писатель — корреспондентом в БуэносАйресе печатного органа итальянских анархистов, проживающих в Соединённых Штатах. Тем не менее вскоре он убедится, что антифашистские комитеты и круги являлись не чем иным, как времяпрепровождением для политиков — социал-демократов,

коммунистов и некоторых либералов-прогрессистов. «Для ди Джованни антифашизм, организованный всеми тенденциями, обманывал народ, и поэтому он начал публиковать либертарную газету под названием Cúlmine (“Вершина”). Сам писал статьи, составлял и печатал её в свободное время, недосыпая по ночам». Таков был герой, который 6 июня 1925 года учинил скандал среди сливок общества от буржуазии и политических лидеров Буэнос-Айреса во время концерта, организованного посольством Италии в Театре Колон аргентинской столицы.

Итальянский посол в Буэнос-Айресе, аристократ по имени Луиджи Альдрованди Марескотти, запланировал извлечь из празднования двадцать пятой годовщины коронации Виктора Мануэля невероятную политическую выгоду. С этой целью он организовал празднование «на широкую ногу». Таким образом дипломат вознамерился подтвердить свою лояльность Муссолини и продемонстрировать дипломатическому корпусу, что политический режим Италии находится в добром здравии и пользуется престижем. Необходимо иметь в виду многочисленную итальянскую диаспору в Аргентине, образовавшуюся в результате эмиграции в течение десятилетий сотен тысяч мужчин и женщин Итальянского полуострова, обосновавшихся на землях пампас в Рио-дель-Плата. Многие из этих итальянцев или их дети и внуки, добившись материального благополучия в Америке и проникшись до мозга костей буржуазным духом, симпатизировали фашизму Муссолини. Благодаря стараниям итальянского посла на празднование в Театре Колон пришёл сам президент республики в сопровождении супруги. Присутствие президента, согласно буржуазному протоколу, обязывало к такому же действию членов правительства во главе с министром иностранных дел, а кроме того — деятелей высших эшелонов власти, важных особ, послов, консулов, и т.д.; «дам и господ высшего света», олигархии, буржуазии и представителей международного капитала. Как и следовало, также были приглашены молодые люди — дети буржуазии, члены «Патриотической лиги» — в поддержку «чернорубашечников» итальянского посольства. В итоге торжество в Театре Колон так называемой Рейна-ДельПлата (столицы Аргентины) ни в чём не уступало фашистским празднованиям в Риме.

Большой художественный концерт 6 июня 1925 года начался с аргентинского национального гимна в исполнении Муниципального оркестра Буэнос-Айреса. После аплодисментов музыканты играют Королевский марш Италии. Колония итальянской и фашистской буржуазии встаёт, издаёт восторженные возгласы, и даже сам посол в честь фашистской Италии поёт, срываясь на крик. Но тут с галёрки театра — места, отведённого буржуазией для черни, — всё сильнее слышатся голоса, шум: «Убийцы, грабители!» «Маттеотти!» За этими криками, ужаснувшими людей «высшего общества», следует ливень листовок-«бабочек», разоблачающих угнетение в Италии. Они падают к ногам самого посла, графа де Вьяно.

Чернорубашечники, во избежание таких инцидентов предварительно занявшие стратегические позиции, которые именно сейчас ужасают «важную публику» и которые они не смогли ни предвидеть, ни заглушить, быстро бросаются на спасение «избранных» сценариев от невиданного развала с целью нейтрализовать группу людей, нарушивших фашистский праздник. Между зачинщиками скандала, выкрикивающими проклятия итальянскому фашизму, начинается драка, в ход идут дубинки, на всякий случай прихваченные с собой фашистами.

Самый шумный из всех — высокий белокурый парень, одетый во всё чёрное. Один из чернорубашечников хватает его за горло и тащит через кресла. Но этот парень обладает нечеловеческой силой. Несколькими ударами он повергает атакующих его кулаками, дубинками и пинками, останавливается в первом ряду и продолжает выкрикивать: «Смерть Муссолини!», разоблачая ужасы фашизма и господствующих классов.

Целых десять минут дюжина бунтарей контролирует ситуацию, выкрикивая протесты и сопротивляясь всем, кто старается заставить их замолчать. Но силы неравны, и одного за другим их окружают и арестовывают. Парень в чёрном был схвачен последним — он упал от удара дубинкой сзади. Всех агитаторов под крики «сливок общества», низко павших до уровня «грубости», вывели из здания театра. Все собравшиеся хотели плюнуть и дать пинка нахалам, оскорбившим «родину», — для многих присутствовавших именно это означали король и его избранник Муссолини. Под эскортом итальянских военных высших чинов бунтари были переданы на улице в руки полиции, а та упрятала их в тюремную машину. Последним зашёл белокурый парень в черной одежде. Он выкрикнул в лицо одному окаменевшему итальянскому военному: «Да здравствует анархия!»²⁰⁴

Из всех арестованных единственным ответившим прямо на вопросы полиции был этот светловолосый молодой человек в чёрном. Он объявляет себя анархистом. И подписывает свои показания чётким почерком: «Северино ди Джованни». В Буэнос-Айресе «Странники» также посетили редакцию газеты *La Antorcha* («Факел»). Первым их принял администратор анархистского еженедельника Донато Антонио Рисо. Он рассказал о политической ситуации в Аргентине, о живой полемике среди анархистов, о методах борьбы с правительственным терроризмом. Рассказал он также о товарищах, которые, согласно *La Antorcha*, решительно противостояли внутреннему кризису. Одним из них был Северино ди Джованни — энергичный юноша, считавший, что настал «час действия, а не пустых слов»²⁰⁵. Другим таким был Росцинья, выдающийся член профсоюза металлургов, взявший на себя трудную работу Комитета помощи заключённым и депортированным. Это был человек деятельный, умный, заранее планировавший дела; который, когда доходит до прямого действия, не только руководит и указывает цель, но также подставляет своё плечо и не остаётся в тылу, подобно бюрократам из политических партий, которые прячутся за своими «исполнителями»²⁰⁶. Бесспорно то, что Дуррути и Аскасо были знакомы с Диего Абадом де Сантьягом и Лопесом Аранго, в частности по материалам и рассказам, а также благодаря их работе в газете. Они знали и других товарищей, которые ранее проезжали по Испании и сейчас жили в Аргентине, например, Гастона Леваля, и также по статьям — Родольфо Гонсалеса Пачеко и Теодоро Антиллы. В целом это была горсть борцов с очень высокими моральными и интеллектуальными качествами анархистской линии, но ввиду особенностей борьбы в Аргентине оказавшихся в жёсткой оппозиции друг к другу. То, чего удалось избежать в Испании благодаря усилиям всех и каждого, в Аргентине не получилось. Существовала чёткая граница между членами, стоявшими за прямые действия, и теоретиками. Такое разделение серьёзно угрожало влиянию анархистов на аргентинский рабочий класс. Принимая во внимание положение дел, «Странники» решили не проводить акции, могущие ещё более усугубить уже достаточно отравленную полемику на тему так называемого революционного насилия. Они наметили линию на смягчение острых углов в отношениях и поиск почвы для сосуществования, минимальных соглашений и спокойного диалога, даже если бы речь шла о трудных темах между активистами одной либо другой

фракции. Однако противоречивые условия в стране и проблемы, с которыми сталкивалось анархистское движение, превращали планы Дуррути и Аскасо в иллюзию. Эти разногласия доказывали: во избежание элементарного тюремного заключения не оставалось иного выхода, как защита от насилия и террора со стороны правительства. Если анархизму не хватало единства и солидарности в его рядах, то он лишался своей главной силы. La Protesta, несмотря на свою «чистую» линию, не могла отказаться от защиты Симона Радовицкого, Вилькенса, Сакко, Ванцетти и др. Было ясно, что если двое первых помогли избавиться от палачей революции, то есть встали на путь прямых действий и бомб для свершения социальной справедливости, то над двумя последними тяготело обвинение в экспроприации, или, другими словами, вооружённом «ограблении». La Protesta проводила защиту в рамках буржуазных понятий, придерживаясь версии невиновности арестованных; однако империализм янки не мог признать это в силу того, что Сакко и Ванцетти, будучи анархистами, уже заведомо рассматривались как бандиты. Как же найти выход из этого лабиринта путаницы и ошибок? Флорес Магон разрешил этот вопрос. Принимая себя самого как противника Государства и зная, что невозможно бороться против него в рамках закона, он противостоял власти за пределами законных границ, то есть в рамках неправомерности, на революционной почве. Если «протестисты» из Буэнос-Айреса желали быть последовательными сами с собой, то они должны были согласиться с практикой Магона; в противном случае в силу своей чистоты они могли превратить свои идеи в эволюционизм или реформизм. В те времена в Аргентине не существовало половинчатых позиций. И таких позиций не существовало, потому что имело место правительственное насилие с самих верхов, — именно это обстоятельство заставляло принимать практические действия.

Таковы были рассуждения «Странников» и друзей из La Antorcha. Вскоре скудные сбережения закончились. Но поскольку они всегда решали свои каждодневные проблемы, не прибегая к солидарности соратников, то нашли себе работу с помощью друзей и устроились: Дуррути — портовым рабочим, Франсиско — поваром, а Ховер — краснодеревщиком. Алехандро Аскасо по причинам, нам не известным, исчез из Буэнос-Айреса вскоре после прибытия в этот город.

«Странники» работали и вели скромный образ жизни, когда совсем неожиданно, 18 октября 1925 года, произошёл вооружённый грабёж. Согласно газете La Prensa из Буэнос-Айреса, дело обстояло так:

“Три человека, на манер киноактёров, заходят на трамвайную станцию Лас Эрас дель Англо в квартале Палермо. Один из них в маске. Все трое поднимают чёрные пистолеты и угрожают кассирам, которые на рассвете закончили подсчёт денег от продажи билетов. Произносят: “руки вверх” с заметным испанским акцентом. Требуют деньги. Служащие бормочут, что всё лежит в железном ящике. Требуют ключи. Нет — ключи у начальника, и его смена закончилась. Грабители переговариваются. Покидают помещение. Уходя, захватывают с прилавка пакет, только что оставленный одним из охранников: там 38 песо в монетах по 10 сентаво. У входа на станцию их поджидает сообщник, и неподалёку — авто. Они исчезают, преследования нет».

Освальдо Байер, автор предыдущей цитаты, пишет:

«Полиция портового города в замешательстве. Воры с испанским акцентом? В их данных нет никого с такими описаниями. Допрашивают представителей теневого мира, но безрезультатно. Их никто не знает. Так как добыча была смехотворной, полиция знает: вскоре последует ещё одно нападение». На самом деле так и произошло: «17 ноября 1925 года, спустя едва месяц после нападения на станцию Лас Эрас. За несколько минут до полуночи на станции метро “Примера Хунта”, Кабальито, продавец билетов Дуранд закончил подсчёт денег от дневной выручки. Ждёт последнего поезда, прибывающего из центра, чтобы закончить подсчёт. Вдруг к нему подходит незнакомец и, медленно вынимая пистолет, говорит с испанским акцентом: “Ни слова!” В то же самое время другой тип заходит в билетные кассы и забирает деревянный ящик, где обычно хранят деньги от продажи билетов. Всё это длится несколько секунд. Незнакомцы поворачиваются и направляются к выходу улицы Сентенера. Однако Дуранд начинает кричать во всё горло: “Помогите! Ограбили!” Тогда один из бандитов поворачивается и, чтобы напугать его и предотвратить преследование, стреляет в воздух. Крики и выстрел доносятся до агента полиции на станции Ривадавиа и Сентенера. Он уже бежит на место происшествия, на ходу доставая оружие. Но его опережают. На страже у входов в метро стоят два других незнакомца, и один из них, увидев в руках полицейского оружие и что он бежит навстречу двум другим сообщникам, совершившим нападение и в тот момент спускающимся по лестнице, делает два выстрела и попадает в цель. Полицейский падает как подкошенный. Четвёрка грабителей бежит к такси, которое поджидает их в Росарио и Сентенера. Но шофёру не удаётся завести мотор, и после драгоценных моментов ожидания незнакомцы выскакивают из авто и сломя голову бегут по улице Росарио в направлении на восток и исчезают из вида. Нападение оказалось безрезультатным, как и на станции Лас Эрас. Выручку положили не в деревянный ящик, как обычно, а в другой — железный, стоящий под окошком. В деревянном не оказалось даже десятицентовой монетки»²⁰⁷.

Аргентинская полиция изучает и сравнивает информацию двух происшествий, выделяется тема «испанцев». Приходят к заключению, что в обоих случаях нападали одни и те же лица. Но кто? Именно в тот момент аргентинская полиция получила от чилийских коллег «досье», составленное с помощью испанских агентов: указанными ворами оказались Дуррути, Аскасо и Ховер под фальшивыми именами.

«Имея при себе фотографии, аргентинская полиция вызывает потерпевших со станции Лас Эрас и Примера Хунта. Без сомнений, это они. Так начинается повсеместный розыск. Устраиваются облавы на маленькие гостиницы, отели и постоялые дворы в поисках иностранцев. Всё безрезультатно. Подразделение «Общественный порядок» задерживает анархистских активистов, чтобы зацепиться за какой-нибудь факт. Но ничего нет. Во всех вагонах метро и трамваях на стенах развешаны анонсы с фотографиями четырёх иностранцев. Вдохновлённый этими фото поэт Рауль Гонсалес Туньон написал прекрасные строки о Дуррути:

«Я смотрю на снимок полицейского участка:
Ты — в анфас, профиль, под фото номер,
Растрёпанные тёмные волосы.

Недостаёт лишь сверху голубки —
Чуть яростной и нежной»208.

В этом месте мы остановимся и, прежде чем продолжить повествование, подведём итог некоторых событий. Наиболее важные факты по линии «экспроприации» из жизни Дуррути имеют отношение к банковским учреждениям, и во всех очевидно некоторое мастерство. Прибыв в Аргентину, «Странники» приняли решение не предпринимать действий, ставящих в рискованное положение анархистское движение. Как стал возможным тот факт, что так, с бухты-баряхты, они изменяют свои планы и посвящают себя не нападению на банк, а напротив, операции, более похожей на работу «кустарей»? Имеются ли доказательства этим происшествиям? Их признали замешанными в нападениях? Были ли преступники испанцами, потому что говорили с испанским акцентом? Правда в том, что не существовало никакого доказательства и что полиция действовала под давлением своих коллег из Чили и Испании (особенно последней, которая и предоставила фотографии). Из вывешивания объявлений в трамваях и метро, из кампании прессы и преследования «Странников» не могло выйти ничего иного, кроме как операции высокого стиля, такой как та, от 19 января 1926 года, в филиале Банка Аргентины, город Сан-Мартин. Заимствуем наш рассказ из статьи газеты La Prensa, выпуск того самого дня: «Когда жители спокойного города Сан-Мартин обедали или просто отдыхали от полуденной жары у себя дома, группа разбойников, вооружённых карабинами, расположилась у входа в филиал Банка Аргентины, напротив главной площади». Таким было сообщение газеты о слишком продолжительном событии, чтобы представить его в «развёрнутом виде». Мы приведём краткий рассказ Освальдо Байера:

“ «Семь человек (четверо из них в масках) выходят из двойного фаэтона на углу Буэнос-Айрес и Бельграно, в двух кварталах от полицейского участка. Четверо входят в банк, а другие — с длинноствольным оружием — остаются на охране у главного выхода. Это очень любопытное нападение, в стиле разбойников с большой дороги, потому что трое оставшиеся снаружи при появлении ничего не подозревающего пешехода молча направляют на него стволы своих карабинов. Поначалу прохожие думают, что всё это розыгрыш, но, когда понимают, что дело серьёзно, пускаются наутёк. Тем временем четверо вошедших в банк работают быстро. Обходят стойки, обыскивают ящики плательщиков и собирают вместе все наличные. Даже не утруждают себя проверкой сейфа. Всего 64 085 песо. Банковские служащие, увидев у входа грабителей, подчиняются хриплому испанскому голосу: “Ни с места... не то — четыре пули!”

(...) Забрав деньги, скрываются на автомобиле. Их преследуют, но грабители прикрывают своё отступление выстрелами...»

Версия #3

Зверобой создал 13 июля 2025 00:51:42

Зверобой обновил 17 августа 2025 19:32:11